

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

*All we need
love*

МИЛА РЕБРОВА

МАЖОРА

ОДЕРЖИМОСТЬ

МОЛОДЁЖНАЯ ПРОЗА

Молодежная серия

Мила Реброва

Одержимость мажора

«Автор»

2022

Реброва М. А.

Одержимость мажора / М. А. Реброва — «Автор»,
2022 — (Молодежная серия)

Мне пришлось пойти на сделку с мажором, которого я всегда избегала, ведь взамен он обещал оплатить лечение моего брата. Но, соглашаясь на его условия, я даже не представляла, что лишусь не только своей чести, но и сердца, которое безжалостный мажор решит растоптать новостью о своей скорой женитьбе... Содержит нецензурную брань.

© Реброва М. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мила Реброва

Одержимость мажора

Глава 1

Ника

– Тебя не учили здороваться? – заставляя меня поднять взгляд от бутылки энергетика и жвачки, спрашивает уже знакомый мне голос.

– Добрый вечер, пакетик будете брать? – безразличным тоном спрашиваю я. На злость не осталось сил, двенадцатичасовая смена, которая никак не закончится, дает о себе знать, и всё, о чем я могу мечтать, так это о своей теплой постели. Когда другие студенты наслаждаются субботним вечером, я вкалываю как проклятая в надежде скопить лишние пару тысяч полной сменой в магазине. Ведь с тех пор, как поступила в университет благодаря подруге, могла работать только по пять часов в сутки, что не особо помогало в нашем с мамой плачевном положении.

– Нет, спасибо. А вот получить извинения был бы не прочь, – говорит Халид холодным тоном, который всегда действовал на меня магнетически. Я не могла понять, что у этого парня на уме. Он еще со школы имел странную привычку «следить» за мной. Наблюдая и сканируя взглядом своих бесчувственных глаз. Их черная бездна проникала в самую душу, пугая и заставляя каждый раз отводить свой взгляд и бежать без оглядки.

– С вас двести пятьдесят три рубля, оплачивать будете картой или наличными? – как робот говорю я заученные слова, стараясь не смотреть на него.

– Картой, – хмыкает гад, раздражая меня. Мало мне было проблем и без него. – Извинений я, так понимаю, не дождусь?

– И за что же мне извиняться? – устало вздыхаю я, обрывая его чек и жалея, что в этот час покупателей в магазине практически нет. Гад может стоять надо мной сколько угодно, и его не прогонишь, используя в качестве оправдания очередь у кассы.

– Может, начать с испорченной рубашки? – тут же открывая энергетик и отпивая его, спрашивает он.

– А не надо было тащить меня в мужской туалет! Я случайно пролила на тебя напиток! – вырывается из меня капелька возмущения, на которую еще остались силы.

– Извинись ты после этого, может, и не тащил бы, – отвечает этот непробиваемый мажор.

– Может? – открываю я в возмущении рот. – Чего вообще ко мне пристал?! И как ты вообще оказался в этом районе? – недоумеваю я, только сообразив, что делать тут ему явно нечего. Для богатенького мажора вход в наш район для бедных закрыт. Тут нет ни клубов, ни других развлечений. Он ведь не следил за мной? Да ну, бред. У него таких, как я, пачками, только и успевай выбирать и затаскивать в постель.

– Пришел за извинениями. Не думала же ты, что я спущу тебе всё с рук? – удивляет он меня.

– Могу оплатить химчистку, – язвлю я, молясь, чтобы хотя бы один посетитель зашел в магазин.

– Боюсь, у тебя не хватит на нее денег. Сколько ты зарабатываешь за смену? Две тысячи? Три? – спрашивает он лениво, пока я с трудом сдерживаю нервный смех. Не хочется рушить его иллюзии касаясь своего заработка, поэтому молчу о тех жалких ста сорока рублях в час, что получаю в этом захудалом магазине, куда меня взяли, так как желающие работать за такие крохи в очереди не стояли.

– Неужели тебе так дорога твоя рубашка, что из-за нее ты потратил время и приехал сюда? – в самом деле недоумеваю я, чувствуя неприятное сосущее чувство под ложечкой. Очень уж мне не нравится такое приватное внимание мажора.

– Дело не в вещи, – назидательно поправляет он меня, выглядя при этом чертовым занудой, – дело в принципе. Если ты считаешь нормальным испортить чужое имущество, не извиниться, да еще и беситься, что тебя просят о банальной вежливости, стоит заняться твоим воспитанием.

– Кому? Тебе? – пытаюсь понять, чего он хочет, даже подаюсь чуть вперед, чтобы лучше его рассмотреть. Между нами касса, что меня весьма радует. Не хотелось бы оказаться близко к этому странному парню с непонятными намерениями.

– Почему бы и нет? – жмет он небрежно плечами, не вынимая руки из карманов крутых брендовых джинсов, низко сидящих на талии. – Раз больше некому.

– Прости, конечно, но я откажусь.

Ежусь под его взглядом-лазером, но тщательно это скрываю, держусь непринужденно, чтобы его не нервировать. После моего ответа он молчит, изучает меня так долго, что от этого становится неловко.

– Кто сказал, что я спрашиваю? – хмыкает, дергая уголок рта. – Я не для того приехал, чтобы уламывать тебя. Ты просто компенсируешь мне испорченную рубашку, и точка.

Тяжело вздыхаю до болезненного ощущения в легких. Задержав дыхание, со свистом выпускаю его наружу. Этот парень не на шутку меня напрягает. Мадина предупреждала меня не связываться с ему подобными мажорами, и теперь я вижу, что подруга была права. Держись, Ника, только не показывай свой характер, постарайся отделаться от него. Семья важнее всего, думай о них.

– Хо-ро-шо! – рапортую я, видя, как от моего тона он раздувает ноздри. Мирлоубиво улыбаюсь: – И? Я жду...

– Во-первых, смени тон, – осекает он меня, глядя колючим взглядом.

Ну, началось, первое, второе, третье... Закатываю глаза, что становится ошибкой.

Касса больше не является для него преградой, поскольку мажор обходит ее и становится возле моего крутящегося стула, напирая своим внушительным ростом. Меня обдает запахом парфюмерного магазина, дорогого, элитного, я точно пропитаюсь этим ароматом свежести, который забивается в ноздри и одуряет.

– Сюда нельзя! – изо рта вырывается самый настоящий истерический вопль. Вскикиваю. Где все люди? Почему я одна? Где мой перцовый баллончик? Тянусь к сумке, но Мирзоев резко делает выпад рукой и не дает мне взять ее.

– Можно, – сам себе дает право быть в зоне, куда покупателям нет хода. – Мне всё можно.

– Говорю же, нельзя! Меня уволят! – предупреждаю, озираясь по сторонам в страхе. Если выйдет администратор зала, решит, что я любезничаю с покупателем прямо в зоне кассы. – Это не в твоих интересах! Как я тебе компенсирую тогда стоимость рубашки?

– Так-то лучше, ты уже готова купить мне ее, – едко замечает Мирзоев, даже не дернувшийся с места несмотря на мои дерганья и попытки что-то сделать, чтобы изменить ситуацию. – Но этого мало, сперва я хочу извинений.

– Ты больной! – не сдерживаюсь я от испуга. – Кто приезжает ради извинения в другую часть города?!

– Попридержи язык, – угрожающе надвигается он на меня, обжигая чернотой своего взгляда, – а то мне придется укоротить его.

– Ладно, извини! – чуть ли не кричу я, нервно заламывая руки. Господи, что за наказание?

– Неискренне, – замечает он мрачно, складывая руки на груди и опираясь бедром на стойку кассы. Как бы говорит, что не уберется отсюда, пока не добьется своего. – Попробуй еще раз.

– Раз, два, три, четыре...

– Что ты там бормочешь?

Дергаюсь, поняв, что считала вслух. Пыталась успокоиться, чтобы не заорать. Он псих. А я не умею обращаться с психами. Мне ни за что не сдержать свой язвительный тон и не извиниться перед ним от чистого сердца, чего он так сильно хочет.

– Я...

– Девушка, вы работаете или свидание устраиваете? – прерывает меня неодобрительный старческий голос. Да благослови не сидящих по ночам дома старушек!

– Работаю-работаю! – толкаю я в грудь наглого мажора, не скрывая радости от того, что спасена.

– Сегодня спасена, но не думай, что на этом всё, – словно читая мои мысли, произносит он, прежде чем развернуться и уйти.

Глава 2

Ника

– Да брось ты, будет весело! – пытается уговорить меня подруга поехать в поход, устраиваемый нашим университетом.

– Дело только в веселье? – уточняю я, предчувствуя неладное. Мы с Мадinou сидим в университетской столовой, и я явственно ощущаю прожигающий спину взгляд, но никак не реагирую, уже привыкнув, что псих Мирзоев и его зоркий взгляд всегда со мной.

– Ратмир поставил условие, – вздыхает подруга. – Это очередная его прихоть, и если я не поеду...

– Он покажет твоему отцу видео и бла-бла-бла, – прерываю я ее, злясь на этих самовлюбленных баловней судьбы. Богатым мальчикам просто нечем заняться, кроме как издеваться над незащитными девушками!

– Типа того, – вздыхает Мадина. – Знаю, что глупо каждый раз поддаваться его шантажу, но страх того, что он всё расскажет папе, сильнее меня.

В какой-то мере я понимала подругу, которую взял на крючок Ратмир Хамзатов, сын депутата, которого сослали в лагерь для трудных подростков из-за того, что Мадина закрыла его в подсобке, и он не смог выступить на танцевальном конкурсе. То было в выпускном классе, и вот теперь, поступив в один с Мадinou университет, мажор решил отомстить ей, используя снятое им компрометирующее ее видео. (Книга про Ратмира и Мадину – «Во власти мажора»)

– Может, у нас получится выкрасть его телефон и удалить запись? – размышляю я вслух.

– Я уже пыталась, он только высмеял меня и заявил, что не так глуп, чтобы не сохранить его в облаке, а доступа к облаку мы точно не получим, – вздыхает она, а я думаю о том, что Мирзоев точно поедет с другом, и мне придется два дня терпеть его присутствие, но что ни сделаешь ради подруги. К тому же я не такая, как Мадина, терпеть наглость Халида точно не стану, пусть только попробует сделать что-то большее, чем просто смотреть.

– Ника, будь осторожна, – в который раз наставляет меня мама перед поездкой. Она вечно беспокоится, слишком переживая и опекая.

– Да что со мной будет, мам? – обнимаю я ее, а потом подхожу к брату, который уже проснулся, и целую его в макушку. – Будь хорошим мальчиком, Сашуль, и я привезу тебе шоколадку, договорились?

Брат лишь растягивает уголки губ в улыбке, как обычно, не настроенный на утренние разговоры. Его скрюченное в инвалидной коляске тело, как всегда, вызывает у меня поток жалости, но я не показываю этого. Саша слишком остро реагирует на любой признак того, что его жалеют. В свои десять лет брат мудрее многих взрослых, давно перестав быть обычным ребенком.

Прощавшись с мамой, я иду к остановке, где меня встречает подруга, которая везде ездит со своим водителем, он и доставляет нас к универу, где уже ждет автобус, заполненный шумными студентами. Хамзатова, как и Мирзоева, нет, но наше облегчение не длится долго, так как парни, решив выпендриться, едут на своем автомобиле, решив пренебречь предоставленным нам транспортом.

– Думаешь, он сделает что-то недозволенное? – спрашиваю я Мадину, которая то и дело нервно смотрит в окно. – Вам разве не запрещено так вести себя с девушками?

– Ратмир уверен, что я не чиста, – краснея, говорит подруга. – Что мы с Андреем...

– Но вам же нельзя до свадьбы! – недоумеваю я, прекрасно зная про их «законы», мусульманским девушкам даже за руки держаться с парнем нельзя, не говоря уже обо всем остальном.

– Он настолько испорчен, что думает, остальные такие же, как он! – возмущается Мадина. – Я...

Она внезапно замолкает, когда автобус, издав рычащий звук, глохнет.

– Это еще что такое? – хмурюсь я, недоумеваю.

– Кажется, автобус сломался, – пожимает плечами Мадина, и, проследив за ее взглядом, я замечаю, как спортивная машина Ратмира останавливается рядом с нами. Спустя десять минут стало ясно, что автобус дальше не поедет, и мы, выйдя наружу, начали составлять план, как добраться до нужного нам места. Расстроенные студенты пошли на остановку, чтобы пересесть на другой автобус. И мы тоже собрались последовать за ними, но, к моему ужасу, Климентьев, который и отвечал за весь наш поход, согласился на «неожиданное» предложение Ратмира подвезти нас на своей машине.

Делать было нечего, и нам с такой же растерянной от подобной перспективы Мудиной пришлось сесть в машину. Хорошо хоть преподаватель поехал с нами, и эти наглые мажоры не смогли завести разговор. Правда, от неодобрительных взглядов Халида, когда я села посередине, чтобы Мадина смогла избежать контакта с посторонним мужчиной, меня это не спасло.

Когда, добравшись до лагеря, мы стали потихоньку размещаться, Климентьев начал показывать нам правильную установку палаток, с которой мы не справились, вследствие чего у Мудины с Ратмиром завязался спор, после которого парни помогли нам установить палатку, и если Ратмир то и дело вставлял язвительные комментарии, то Халид просто молчал, чем пугал намного больше болтливую Ратмира.

– Эй, ты чего? – тронула меня за локоть Мадина, заметив мое оцепенение.

– Ничего, просто задумалась. Давай перекусим? Я ужасно проголодалась, – скользнула я в палатку, лишь бы избежать этого обжигающе-пугающего взгляда. Кажется, эти два дня растянутся для меня надолго.

Наутро мы после принудительной зарядки и завтрака отправляемся на прогулку по окрестностям. Здесь красиво, сосновый бор, свежий воздух, дышится легко и свободно. После переключки двигаемся в сторону каких-то пещер.

Держаться всем вместе, не терять никого из виду... Бла-бла-бла...

В моей руке уже зажат телефон, на который я собираюсь сделать много-много классных кадров, чтобы отправить брату. Он очень просил посылать ему виды природы. За брата всегда щемит сердце, ведь он сам не может поехать в поход и ограничен в передвижениях в целом. Мама тоже привязана к нему.

– Ник, ты идешь? – зовет меня Мадина, вырывая из грустных мыслей, и я, тряхнув головой, спешу ее догнать.

– Как меня достали эти мажоры, – ворчит она, косясь на парней, что идут на небольшом отдалении от всех. Я стараюсь о них не думать, какое мне дело до богатых мира сего? Где они и где я? Мадина, конечно, старается не показывать, но ей страшно от взглядов Ратмира Хамзатова.

– Я отойду на минутку! – говорю Мадине, заметив, что ветка сосны очень красиво вытягивается вперед, перегораживая собой солнце, его сияние окружает светом длинные иголки, создавая свечение. Представляю, какой крутой получится кадр! Брату точно понравится. А может, пошлю на конкурс, вдруг даже денег выиграю... Ника, Ника, хватит мечтать.

Чтобы делать крутые кадры, нужен профессиональный фотоаппарат, а у меня нет на него денег. Приходится довольствоваться камерой простенького смартфона.

Мадина даже не замечает, что я отошла, вся в мыслях о своем мажоре! Мне кажется, что она даже влюблена, постоянно думает и говорит о Ратмире, хоть и прикрывает свои слова

злостью и обидой, я же вообще не понимаю этих влюбленных. Зачем тратить время на какую-то чушь и мириться с кошмарным характером заносчивого парня?

В жизни есть занятия получше.

Тем более мне некогда думать о парнях. Надо учиться, получить профессию, найти работу и твердо встать на ноги, чтобы помогать семье. Мы не можем вечно жить в грязной коммуналке, куда пришлось переехать после продажи квартиры, ведь брату нужны были деньги на лечение...

– Что ты делаешь? – окликает меня кто-то сзади, и я, задумавшаяся и увлеченная фотографиями, от испуга роняю телефон.

– Черт! – кидаюсь его спасать, но он прыгает, как лягушка, скача по каменистой почве и исчезая из поля зрения.

– Эй, ты куда? – злобно спрашивает Мирзоев, устремляясь за мной вниз по небольшому обрыву.

– Непонятно, что ли? – огрызаюсь. – Из-за тебя я уронила телефон! Не дай бог, он разбился!

– Дай, я сам, – отпихивает он меня с края, смотря вниз. – Он провалился между камнями, – сообщает мрачно, вставая и отряхивая руки.

– И? – приподнимаю бровь. – Ты собираешься его доставать?

– Я? С чего бы?

– Ты отвлек меня, и я его уронила. Что непонятного?! – объясняю как дебилу.

Раздувая ноздри от злости, мажор наклоняется ко мне.

– Чего переполошилась, малахольная? Это всего лишь телефон, а не ключи от машины.

От негодования я просто не в состоянии сказать и слова, молчу как рыба.

Но это ненадолго, за словом в карман я лезть не собираюсь.

– Конечно! Для тебя это всего лишь телефон, но необязательно демонстрировать свое богатство перед другими!

– И где я его демонстрирую? – кривит лицо в непонимании.

– Это поход, если тебе не сообщили, кто ходит в поход в белых кроссовках и крутых шмотках от модных домов? – дергаю его за толстовку серого цвета, но не ожидаю, что он поймает мою руку. Чернуший, как смола, взгляд пригвождает к месту.

– А ты что, завидуешь? Или тоже хочешь носить такие шмотки?

– Что? Придурок! Я тебе говорю про телефон. Он мне важен. Отпусти! – шиплю, дергаю руку, и он меня отпихивает, начиная спускаться по склону.

– Черт, мы уже не видим наших, – бормочу себе под нос.

– Че ты паришься? – смотрит через плечо, видя, что я спускаюсь за ним. – Мы найдем лагерь без проблем.

– Кто сказал, что я парюсь? Я просто не хочу ходить тут с тобой. Иди догоняй своего друга, а я пойду искать телефон сама. Мне не нужна твоя помощь.

Молчит. Просто сосредоточенно смотрит в дырку между камней, видимо пытаюсь понять, как достать мой несчастный телефончик. Он в желтом чехле, его хорошо видно, но оказывается, что глубина немаленькая.

– Что там? – опускаюсь на корточки рядом с ним, ноги в шортах до колен соприкасаются с камнем. Неприятно.

– Там – пустота.

Решил пошутить?

– Короче, я сейчас туда залезу, достану твой телефон, – сообщает он, собираясь втиснуться между камнями под нами.

– Слушай, это, конечно, по-джентльменски, но я не хочу потом оплачивать твои испорченные шмотки.

– Будто ты оплачивала, – замечает мрачно, напоминая о случае, когда я пролила коктейль на его белоснежную рубашку, отказываясь ее отстирывать. Вместо этого я пролила на нее зеленку, чтобы чертов мажор не выпендривался и не вел себя как господин со слугой! Я такого не потерплю.

– Я сама, – игнорируя его слова, заносу ногу над дырой, но он ловит меня за талию, руки неожиданно горячие, очень крепко меня держат, и я немедленно отталкиваю наглого мажора, который решил меня полапать.

– Стой тут, – говорит он мне грозно, обдавая колким взглядом.

По телу пробегает дрожь, он всегда так странно смотрит, что хочется сбежать.

– Думаю, тут должен быть другой вход. Попробуем обойти, – кивает он в сторону, и я тут же шагаю вперед, совершенно не замечая, как скользит нога и земля словно уходит из-под ног. В панике хватаюсь за Мирзоева, чем лишаю нас обоих дальнейших шансов выбраться из грядущей передряги, ведь мы оба под мой оглушительный крик падаем вниз, в ущелье какой-то пещеры, из которой нет выхода!

Глава 3

Ника

– Черт! – рычит где-то мажор, пока я лежу на животе, боясь шевельнуться. Страшно представить, что я что-то сломала. – Эй, ты чего застыла? – раздаётся рядом, а потом бесцеремонные руки берут и переворачивают меня под мой громкий стон. В ногу простреливает боль, и я с ужасом жду, что она сломана. Мне просто не может повезти. – Что болит?

– Нога, – сквозь наворачнувшиеся слезы говорю ему, и он тут же принимается исследовать мою ногу на удивление нежными касаниями пальцев. Мирзоев начинает с колена и доходит до щиколотки, когда я вскрикиваю, чувствуя боль.

– Всего лишь вывих, – констатирует он.

– Откуда ты знаешь? – вытираю я предательские слезы и внимательно наблюдаю за его действиями.

– Я спортсмен, так что прекрасно разбираюсь в травмах. На счет три поставлю на место, считай, – как всегда пугая меня своей хладнокровностью, говорит он.

– Поставишь... Что?! – дергаюсь я, наклоняюсь вперед и пытаюсь оттолкнуть его руки. – Не надо ничего делать!

– Раз... Два! – И раздается щелчок под мой очередной испуганный писк.

– Ты не сказал «три»! – отдышавшись, обвиняю я его.

– Ожидание хуже всего, не хотел тебя мучить, – ухмыляется гад, продолжая держать мою лодыжку.

– Не знала, что ты такой сострадательный, – язвлю я, пытаюсь выдернуть ногу.

– Не дергайся! Ей нужен покой.

– Вот и оставь ее в покое! Нечего ее лапать! – возмущаюсь я, донельзя смущенная и обескураженная такой близостью этого психа. Да по одному взгляду его было видно, что ничего хорошо от него ждать не стоит!

– Какая же ты все-таки неблагодарная. Смотрю, у тебя не только с извинениями проблемы, – язвит он.

– Лучше оставь мои проблемы мне и подумай, как нам выбраться! Я что-то не вижу выхода отсюда.

– Давай только без истерик, – морщится он, начиная оглядываться по сторонам в поисках выхода. – Терпеть этого не могу.

– Кто еще истерит? И знаешь, мне неинтересно, что ты там любишь, а что – нет.

Смерив меня презрительным взглядом, который ощутимо проникает сквозь кожу, мажор игнорирует мой выпад и протягивает мне ладонь. Не хочу брать его за руку и верчу головой в отрицании.

– Я сама, как-то обойдусь.

– Как хочешь, было бы предложено, – встав и отряхнувшись, он устремляется вперед.

– Эй, погоди! Куда ты погнал?

– Ты же сказала, что сама справишься, в чем дело? – останавливается он и закатывает глаза, убрал руки в карманы джинсов.

– Думаю, тебе повредит, если уйдешь и оставишь за собой мой несчастный труп.

– Надо же, ты стала заботиться обо мне и моей репутации.

– Не дождешься, – шиплю сквозь зубы.

– Надо было просто попросить, малахольная, сказать, что ты боишься оставаться одна в темноте, – откровенно глумится он надо мной, вызывая негодование и ненависть. Какой он гадкий, смотреть противно, так и хочется дать по роже!

– Если бы не обстоятельства, я бы с радостью осталась одна! Тебе не говорили, что ты не образец вежливости и такта? – язвлю, решая задеть его побольнее.

Знаю, что ему пофиг, но всё же не могу остановиться.

– А кто мне что-то должен говорить? Думаешь, меня интересует чье-то мнение? Уж твое точно нет.

– Кто бы сомневался, – заканчиваю бесполезный разговор, шагнув вперед.

Черт, больно. Но ничего. Главное – не показывать ему, что мне тяжело идти, а то как начнет насмехаться. Видимо, это природой заложено в мерзопакостного мажора!

– Ни за что бы не подумал, что отсюда так сложно выбраться, – бормочет он спустя полчаса бесполезных попыток выбраться и криков в дыру в потолке. Мы пытались разными путями найти выход из пещеры, но в итоге ничего не вышло.

– Черт, – пинаю ни в чем не повинный камень, вымещая на нем свою злость.

И телефон, найденный мной, кажется, сломался, трещинами пошел. От этого слезы наворачиваются. Я не хочу плакать, точно не в присутствии заносчивого мажора, но мне так горько оттого, что совершенно глупо провалились сюда и я потеряла единственное средство связи. Я так долго копила на этот телефон, в нем столько памятного. Снимки, заметки, да даже телефонные номера. Как я всё это восстановлю?

– Что ты там бормочешь? – оборачивается ко мне Мирзоев, который пытался протиснуться сквозь ущелье в стене, хотя даже я бы туда не пролезла.

– Ничего, – огрызаюсь я, садясь и вытирая намернувшиеся слезы краем рукава толстовки. – Нашел выход? Или нам так и придется сидеть тут?

– Ты что там, плачешь? – приближается он ко мне, что совсем не радует. – Нога, что ли, болит?

– Ничего у меня не болит! Отстань, – отворачиваюсь от него, подбирая ноги, но гадкий мажор оказывается проворнее и успевает схватить меня за лодыжку. – Я же просила отстать! Хватит пытаться меня облапать! Думаешь, если я не из ваших девушек, меня можно беспреступно трогать?! – возмущаюсь я, прекрасно зная, что со своими эти кавказские парни совершенно другие. Благовоспитанные и вежливые.

– Значит, я тебя лапаю? – недобро спрашивает он, а я леденею от страха. – Раз ты так считаешь, надо подкрепить слова действиями, – поднимается он руками выше по моей ноге, достигая колена. – Кто надевает шорты в лес? Или ты хотела, чтобы тебя *облапали*? Наши девушки, как ты их назвала, не позволяют себе выставлять свое тело напоказ, уважение еще надо заслужить, зубрила.

– Убери руки! – дрожу я, чувствуя, как его шершавые пальцы начинают интимно поглаживать кожу под моим коленом. – Я не давала тебе повода...

– Ты сама повод! – неожиданно зло рычит он, что само по себе странно, ведь Халид – пример безэмоциональности. – Признайся, специально ведь провоцируешь?

– Что за бред! Пусти меня сейчас же! – пытаюсь оттолкнуть его, поняв, как он близко, я даже чувствую, как его мятное дыхание овеивает мое лицо!

– Снова вызов?

– Никакой это не вызов! Просто соблюдай дистанцию, раз уж мы вынужденно тут застряли! Не-ет! – подпрыгиваю на месте, поняв, что он совершенно меня не слушает, поднимая руку выше по моему бедру. – Не трогай...

– Я даже не начинал тебя трогать, – вернув себе хладнокровность, извещает меня он. – Смени тон и не смей больше так со мной говорить.

Вот ведь гад! Мерзкий шовинист! Мадина предупреждала меня о таком типе мужчин среди своих земляков, считающих женщин ниже них!

– Ты, наверное, что-то попутал, раз смеешь мне приказывать! – делаю ударение на слове «смеешь», четко показывая ему, что прогибаться не намерена.

Обойдется! Как же невыносимо он бесит! И как меня угораздило попасться вместе с ним в ловушку?

– Я ничего не попутал, а прекрасно вижу, что ты пытаешься со мной играть, кто-то выбирает казаться недотрогой, а ты – наоборот, ведешь себя как дикарка, чтобы привлечь мое внимание, – нагло и развязно шарит глазами по моему телу, я прямо-таки кожей чувствую его взгляд, и от него тело покрывается колючими мурашками, становится страшно, ведь мы наедине, никто меня не защитит в случае чего, но я и сама себя смогу защитить!

Поставлю его на место.

Двигаю корпус вперед намеренно близко, даже запах его чувствую. Пахнет дорогим парфюмом, лесом, чем-то таинственно-запретным, истинно мужским. Стараюсь не думать, как это на меня действует. В приоритете другая задача.

– Значит, думаешь, я играю? И зачем же?

– Выбрала меня в качестве своего спонсора? – выгибает бровь, не двигаясь с места. – Тебе не помешают деньги.

– Интересная версия, – говорю спокойно, пытаюсь держаться и не показывать, как меня задевают его слова, – долго над ней думал?

– Да вы все одинаковые, – ухмыляется с гаденькой улыбкой, – падкие на бабло. Не откажетесь поторговать собой ради красивых шмоток и айфона.

– Бедный-бедный Халид, – ерничаю я, состроив гримасу насмешки, – ни разу в жизни не встречал нормальную девчонку, которая посмотрела бы на тебя кроме как на мешок с деньгами!

– Не торопись меня жалеть, – резко хватает за локоть, вцепляясь в него жесткими пальцами, притискивает меня к себе, пронизывая взглядом, – меня устраивают товарно-денежные отношения. Что не устраивает, так это когда человек пытается стоять из себя того, кем не является.

– Изъясняйся яснее! – дергаюсь и высвобождаюсь, кипя от возмущения. – А вообще, я не понимаю, к чему ты завел этот разговор. Меня нисколько не интересует, какие отношения у тебя с девушками и что тебя в них не устраивает. Нужен психолог, найми его! Бабла у тебя точно хватает.

– А мне нравится, что ты дерзкая. Не меняйся, – заявляет он вдруг, сощулив глаза.

– Я и не думала тебе нравиться! – возмущаюсь, не веря, что он говорит мне всё это. – Ты просто больной! Сиди молча и жди помощи!

Гаденыш чертов!

– Ну вот и успокоилась, – выпрямляется он, убирая руки с моего бедра и шокируя меня вернувшейся холодностью. – Не хватало мне только истерящей девчонки в закрытом пространстве, где все выходы перекрыты.

И только тут до меня доходит, что он специально провоцировал меня! Я ведь и впрямь забыла о слезах! Но то, как он это сделал...

– Ну ты и га-а-ад... – в неверии качаю я головой. – Мне и так плохо, а тут еще и ты со своими штучками...

– Оттого, что ты впадаешь в истерику, лучше не станет. Сеть тут не ловит, так что остается только ждать. В лагере нас наверняка хватились и пошли искать. Не найдут сами, позвонят отцу, а его спецы вмиг вычислят, где мы находимся.

– Как у тебя всё просто, – вздыхаю я, не испытывая к нему особого доверия. Только что лапал меня и нес гадости, а теперь само спокойствие.

– А зачем усложнять? – жмет он плечами, садясь напротив меня и вытягивая свои длинные ноги, на которых я зачем-то залипла.

Вообще, он вызывал смешанные чувства. Я привыкла к тому, что он молчаливый наблюдатель, и даже уговорила себя, что выдумала его внимание. Но сейчас, когда он перестал просто наблюдать... Черт! Ничего я не выдумала! И что бы он там ни говорил про то, что хотел меня отвлечь, я прекрасно видела, как он реагирует на меня! Мое бедро до сих пор горело от жара его пальцев. Да и то, как сканировали меня его глаза в данный момент, говорило само за себя.

Я не была наивной дуручкой и прекрасно осознавала, как выгляжу, и в большинстве случаев моя яркая внешность, доставшаяся мне от мамы, приносила мне одни неприятности. Люди редко воспринимали меня всерьез, ведь образ кукольной девочки мало кому внушал доверие. Меня считали ветреной фитоняшкой, коей я совершенно не являлась, и даже то, что я практически не красилась, не считая блеска для губ, так как они вечно сохли и трескались, не спасало ситуацию.

Даже мои яркие блондинистые волосы люди принимали за ненатуральные, хотя мне бы и в жизни не пришло в голову красить их в восемнадцать. В общем, все мои попытки выглядеть проще ничего не давали. Так что да – я знала, какое впечатление произвожу на окружающих. Также я знала, что найти спонсора, как изъяснился Мирзоев, с моей внешностью не проблема, только вот я никогда не паду так низко. Руки-ноги, слава богу, есть, и заработать денег для своей семьи я смогу, не продавая свою честь и достоинство.

– Чего ты насупилась? – продолжая нервировать меня своим темным взглядом, спрашивает Халид. – Хочешь есть? Или в туалет?

– Закажешь доставку из ресторана, если хочу? – язвлю я, пытаюсь скрыть смущение. Что делать, если я действительно захочу писать? Тут же одно небольшое пространство! А если он захочет? Фи! Даже думать об этом не хочу!

– Чего ты задергалась? Я просто спросил, – осекает меня этот грубиян, глядя с неприязненным выражением и этим вечным превосходством, которое меня бесит.

– Задергаешься тут, – недовольно бурчу под нос, потирая лодыжку.

– Болит? – сразу обращает внимание на этот жест Халид.

– Не твое дело!

– Хватит грубить! – пугая меня, вцепляется он в мой локоть, подтягивая к себе и буравя своими чернющими глазами. – Нормально разговаривать не можешь? Неизвестно, сколько нам тут еще сидеть. Я не собираюсь терпеть твои выходки.

– Так и не терпи, – выдергиваю я руку из его крепко стиснутых пальцев, потирая уже ее. – Можешь отойти на расстояние и сидеть в другом месте, – предлагаю, в самом деле желая, чтобы он отошел. Его присутствие нервирует, давит. Лучше мне остаться одной.

– Перестань, – практически по слогам проговаривает Мирзоев, – не усложняй всё. На лучше поешь, может, чуть пообедеешь, – достав из рюкзака злаковый батончик, протягивает его мне.

И я бы отказалась, фыркнула и отвернулась от предложенного лакомства, но мой желудок слишком громко дает о себе знать, выдавая меня с головой. Утробное урчание проносится по пещере.

– А ты сам? У тебя есть еще? – интересуюсь из вежливости. Не хочу оставлять его голодным, съесть последние припасы. Кто знает, насколько мы тут застряли. Да и вдруг попрекать будет, я прекрасно знаю, как ревностно он относится к своим вещам.

– У меня их несколько, еще вода, – достает он второй батончик, а также бутылку минеральной воды.

Начинаем тихо пережевывать пищу, шелестя фантиками, в тишине пещеры отчетливо слышен каждый звук. Где-то капает вода. И я понимаю, что, если захочу в туалет и пойду в укромное местечко, точно так же будет всё слышно. Засада. Нарочно не придумаешь. Может, не пить? Так я продержусь дольше.

Как назло, Мирзоев, выпив порцию воды, протягивает мне бутылку.

Так странно. Он преследовал меня своими взглядами, я всячески его избегала, дурацкие споры из-за его драгоценной рубашки, и вот мы сидим вместе на каменном полу, делим еду и питье. То, что должно объединять, наоборот, увеличивает между нами пропасть. Почему? Да потому что я отчаянно хочу избавиться от его присутствия рядом. Физически не хочу с ним находиться в одном помещении. Он странный. Непохожий на других. Обращает внимание на такие вещи, до которых другим нет дела.

Он богатый, считающий, что ему всё дозволено, живущий по собственным принципам. Прикрываю глаза и мысленно веду отсчет минутам наедине с ним.

Поскорее бы нас нашли, божечки, пусть нас поскорее вытащат отсюда.

Глава 4

Ника

– Эй! Просыпайся! – выдергивает меня из сна настойчивый голос, и я, сев рывком, оглядываюсь вокруг, не сразу понимая, в чем дело. Осознание приходит, когда вижу склоненного надо мной Мирзоева. Потом понимаю, что откуда-то доносится свет. – Кричи что есть мочи! – приказывает мне мажор, словно прочтя мои мысли.

– Это...

– Люди моего отца, – уверенно кивает он, поднимаясь и начиная звать на помощь.

– Мы здесь! – ору я в поддержку, с колотящимся сердцем, боясь, что нас пропустят. В фильмах именно так всё и происходило. Герои думают, что их нашли, а спасатели идут мимо прямо у них перед носом.

– Помогите! – перехожу на ультразвук от страха того, что всё будет именно так. Я просто не выдержу наедине с Мирзоевым еще день! – Спас-и-и-и-и-т-е-е-е-е!

– Господи, ты меня оглушишь! – возмущается Халид, но я не обращаю никакого внимания на его слова, продолжая оглушительно визжать, пусть спасатели не различат мои слова, главное, чтобы они хоть что-то услышали и вытащили нас!

Правда, когда выясняется, что мы услышаны, мы уже сталкиваемся с другой проблемой: нас не могут вытащить! Та группа, что нас ищет, оказывается неподготовленной к тому, что нужно будет вытаскивать кого-то из глубины пещеры, а разбирать камни у другого входа слишком рискованно в темноте ночи.

– Супер! – истерю я, когда всё это становится понятным. – Смотрю, люди твоего отца те еще спецы...

– Скажи спасибо, что нас вообще нашли! Нам просто нужно подождать, пока принесут трос, чего ты завелась? – сел себе спокойно в углу этот придурочный, лакомясь сброшенным бутербродом. – Лучше иди и ешь.

– Я такое не ем, – ворочу я нос, с отвращением думая о несчастной судьбе той рыбы, которую он с таким аппетитом пожирает.

– Это какое такое?

Даже несмотря на полутьму, могу сказать, что он хмурится.

– Бутерброд с красной рыбой? Это тебе не твоя привычная килька, – вставляет униЗИ-тельно.

– Я, в отличие от тебя, не ем бедных живых существ! И не важно, дорогие они или дешевые!

– О, господи! Скажи, что ты сейчас пошутила! – стонет он, перестав даже жевать. – Не можешь же ты быть из этих!

– Из каких это этих? – с подозрением спрашиваю я, приосанившись. Что он еще там придумал, чтобы оскорбить меня?

– Из тех, кто несет полную чушь о защите планеты. Ты что, и вправду вегетарианка?!

– Почему из твоих уст это звучит ругательством?! – возмущаюсь я, не понимая, в чем его проблема.

– В том, что это глупо! Не съешь ты, съест кто-нибудь другой! Кого ты защитишь? Реально думаешь, что из-за такой кучки, как вы, убитых и словленных кусков мяса станет меньше?

– Какой же ты гадкий! – морщусь я от его слов.

– Правдивый. Человеку нужно мясо.

– Неправда! Я прекрасно обхожусь без него!

– Хочешь, докажу? Если я прикажу спасателям убратся, кинув перед этим мешок исключительно с мясным набором продуктов, ты продержишься не больше пары дней...

– Это что за фильмов ужасов ты насмотрелся?! – пугаюсь я. – Не нужно мне ничего доказывать! Оставь меня и мое вегетарианство в покое, псих! – вскакиваю я с места. Этот придурок ведь действительно может так поступить! Кто знает, что у этих богатеньких мальчиков на уме?

– Как знаешь, – вмиг успокоившись и потеряв запал, возвращается он к еде. – Ты многое теряешь, вбив себе в голову эту чушь.

– Вот и радуйся, что тебе больше досталось, – отворачиваюсь я, начиная ходить по пещере. Терпение на исходе, а писать с каждой минутой хочется всё нестерпимее.

– Так ты только разгонишь лимфу и сильнее захочешь, – гаденько так ухмыляется сытый гад, поняв мою проблему.

– Ты можешь помолчать?

– На твоём месте я бы просто пописал, поверь мне, мои нежные чувства не будут ранены столь обыденным делом.

– Оно не такое и обыденное – в твоём присутствии! – поясняю четко, если этот дегенерат не понял сути моей проблемы.

Хожение по кругу мало помогает, и я уже просто не могу сдерживать естественные потребности организма. Сил нет терпеть.

– Не придавай этому такого значения, – фыркает мажор, вставая и отряхиваясь. – Так уж и быть, подам тебе пример, Губастая.

Он медленно и вальяжно проходит мимо меня, обладая высокомерным взглядом, от него по-прежнему пахнет этим умопомрачительным ароматом богатства, несмотря на то, что мы уже провели тут долго времени. Любой другой бы уже давно стал потным и вонял на три километра, но у богатенького мажора из пор сочится «Гуччи», или какими там баснословно дорогами духами он душился.

Стоп! Как он меня назвал? Непроизвольно закусываю губу, краснея до кончиков ушей. Он что, заметил мои пухлые губы? Конечно заметил, раз олицетворяет меня с ними! Фу, что еще ожидать от мерзкого мажора?

Отворачиваюсь, потому что он, отойдя на небольшое расстояние, поворачивается ко мне спиной и просто начинает справлять нужду. Я всё слышу, ведь здесь господствует эхо. Это пещера, вообще-то. Щеки пунцовеют. Что же мне делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.